

— Настя, не препятствуй сыну. Пусть идет ко мне в партизанский отряд. У нас хоть под каким-то прищотром будет. А то, не ровен час, раз не попал по малолетству в действующую армию, может убежать на фронт,— говорил сестре Федор Николаевич — командир партизанского отряда, который только-только формирувался.

Анастасия Николаевна, опершись спиной о стену, скрестивши руки на груди, слушала, вытирая краем фартука то и дело набегавшие слезы.

Страшно было ей отпускать от себя своего Алешеньку, которому недавно исполнилось семнадцать лет. Один — единственный был он у нее, выстрадаанный и долгожданный. Не сразу Господь наградил их с Василием сыночком — пять долгих лет ждали... В июне сорок первого всех взрослых мужчин призвали в армию. Алеша пришел на призывной пункт вместе с отцом, но его не взяли...

Анастасия тяжело вздохнула и, соглашаясь с братом, покивала головой.

— Так, может, Федя, и я пригожусь в твоём отряде?

— Нет, сестра, ты нужна будешь здесь, в Дрогобуже. И для тебя дело сыщется... Готовь к отправке сына: вечером зайду за ним.

Анастасия Николаевна, постояв немного в раздумье, подошла к старому сундуку, который получила от родителей в качестве приданого, и достала белую, из тонкого льняного полотна сорочку, что любовно шила и вышивала своими руками втайне от сына. Ее она хотела подарить Алеше на восемнадцатилетие. Развернув рубашку на сундуке, аккуратно разгладила руками каждую складочку. Сняла с шеи медный крестик, завернула его в лоскуток, оставшийся от шитья, вложила в нагрудный карман, что слева, и плотно зашила. Рубашку сворачивала медленно, аккуратно, накладывала на нее свои ладони, будто старалась оставить в ней тепло своего сердца. Анастасия Николаевна зашла в спальню, где висела скрытая от посторонних глаз небольшая икона Божией матери. Перед ней она встала на колени, прижала к груди драгоценный сверток и тихо зашептала молитву...

Невысокого роста, худощавый, но жилистый, еще очень похожий на мальчишку, которому охота погонять по полю футбольный мяч, Алеша стоял напротив матери с широко раскрытыми серыми глазами и внимательно слушал ее наставления.

— Сынок, война — это великое горе, которое несет с собой страх, слезы, смерть. Трусом не будь, за чужими спинами не отсиживайся, но и под пули без толку не лезь.— Мать посмотрела в глаза своего сыночка, будто глубоко окунула свой взор в его юную душу, помолчала. Наконец она опять заговорила.— Знаю, ты комсомолец: крест на себя не наденешь. Но ради меня прошу тебя принять вот эту сорочку, в которую я вшила свой медный крестик. Эта сорочка — и есть твой оберег. При необходимости надевай ее или носи всегда с собой...

Открылась входная дверь, на пороге появился Федор Николаевич. Присев на дорожку на самодельные табуреты, с невыразимой печалью, молча, посмотрели друг на друга...

— Пора,— тихо сказал Федор Николаевич.

Женщина долго провозжала взглядом дорогих ей людей, крестила, прося силы небесные защитить их от беды и лиха. А вдали уже слышалась артиллерийская вражеская канонада.

В конце июля — начале августа тысяча девятьсот сорок первого года Смоленск был захвачен германскими войсками. В лесах Смоленщины формировались немногочисленные, разрозненные партизанские отряды. В один из таких отрядов и привел Федор Николаевич своего племянника. Немцы еще не подозревали, что партизаны уже присматривали за ними: где, как, что расположено.

Алешу определили в разведгруппу, которой руководил бывший секретарь городского комитета комсомола Сергей. Несколько дней он теоретически прорабатывал с ребятами возможные ситуации в разведке. В начале августа Алексею и Андрею, который был на шесть лет старше, под видом беженцев, оставших от своего поезда, было поручено пробраться на Смоленскую железнодорожную станцию, понаблюдать за прибывающими эшелонами и их охраной.

Собираясь в дорогу, Алеша вынул из своей холщовой котомки сорочку, развернул ее, залюбовался красотой вышитых узоров; представил, как бы он здорово выглядел на молодежной вечеринке и как заворожено на него глядела бы та, чей образ уже поселился в его юном сердце. Жалко было надевать такую красоту

под латаную замызганную косоворотку, но сын помнил наказ матери, посчитав, что нести рубашку в котомке тоже небезопасно.

Подходили к концу третьи сутки, что провели разведчики на станции. С ловкостью профессионального актера при встрече с немецким патрулем Алеше несколько раз пришлось пускать слезы, размазывая их по грязным щекам. Зато все просмотрено, все просчитано, все зафиксировано в памяти. Собираясь покинуть станцию, на одном из товарных вагонов, который стоял на запасном пути, он заметил листок с немецким текстом, отпечатанным на машинке. Алеша мгновенно его сорвал и спрятал за пазуху.

Возвращаться в партизанский отряд ребята решили более коротким путем: широким лугом, через который проходила укатанная дорога, мимо небольшого озера. А дальше болотце и ... лес. Трава вдоль дороги высокая. Где пригнувшись, где ползком продвигались к озеру. Дело шло к вечеру. Устали, решили передохнуть. Улегшись навзничь, Алеша устремил свой взгляд в голубую бездну, по которой медленно плыли причудливой формы облака. Вспомнились дом, мать, отец, рыбалка всей семьей в самом начале июня на этом самом озере... Над головой зажужжала пчела, влекомая терпким запахом лечебных трав. Вот зверобой — от девяноста девяти болезней, а вот — клевер луговой склонил свою красную головку. Его настой бабушка пила от головной боли...

— Что за бумажку ты сорвал с вагона? — встрепенувшись, неожиданно спросил тихо Андрей.

Алеша сунул руку за пазуху. Он поднес ближе к глазам влажный, пропитанный потом, измятый листок и, употребив все свои познания в немецком языке (не зря учительница Эльза Карловна хвалила его), шепотом, запинаясь, перевел: «Немецкий солдат! Нам стыдно, всему миру стыдно, что умную немецкую нацию обманул, одурачил бандит Гитлер и его бандитская клика. Вас послали убивать чужих матерей и отцов, чужих сестер и братьев, убивать чужих жен, чужих детей! Вас послали разрушать города, жечь деревни. И вы это делаете. Но ведь у вас тоже есть отцы, матери, есть сестры, есть жены и дети. Зачем вы пришли к нам? Что вы здесь забыли? Ведь за моря нашей крови придется отвечать! Это голос разума! Задумайся, немецкий солдат!»

— Федор Николаевич три дня назад говорил, что нужно будет устанавливать связь с большевистским подпольем. Значит, оно уже действует, — едва слышно произнес Андрей.

Неожиданно легкий ветерок донес дым от костра и запах жареного мяса. Едва подняв голову над травой, начали всматриваться в сторону озера. Подползли поближе. Перед глазами открылась совсем мирная картина: между тремя кустами орешника тлел костер, над которым на вертеле красовался недавно освеженный, увязанный рулетом молодой барашек без головы; два молодых немецких паренька периодически поворачивали барашка, поливали его водой, время от времени подбрасывали под него угольки из второго, рядом тлеющего костерка. Метрах в тридцати на берегу озера в нательных рубашках сидели два немца, по видимому, начальники; чуть поодаль расположилась охрана из пяти человек.

Нашим разведчикам проползти бы мимо незамеченными, но оторвать глаз от барашка было выше их сил: под ложечкой сосало, припасенный ломоть хлеба был съеден еще вчера вечером. Дерзкая мысль мгновенно пришла в голову обоим. Они притаились и стали выжидать, наслаждаясь будоражащим аппетит запахом...

Минут через пятнадцать закончилась вода. Оба немца взяли котелки и пошли к озеру. Немного повременив, Алеша с Андреем быстро по-пластунски подползли к костру. Стараясь не вставать, перекатились на спину и, подняв руки, сняли барашка с двух врытых в землю кольев, ползком потащили добычу. Едва скрылись за ближайший куст, вернулся молодой немец, почему-то один. Заметив пропажу, растерялся, направился к кустам.

Алеша высунул из-под ветки голову, тихо, но строго по-немецки произнес:

— Штейн! Штиль!

Взгляды молодых людей, почти детей, русского и немца, встретились. Недоумение немецкого паренька сменилось страхом, затем ужасом. Не в силах произнести ни звука он быстро побежал назад к озеру. За это время Андрей успел освободить тушку барашка от металлического шампура, чтобы, распластав добычу, удобнее было вскинуть на спину.

Раздались немецкие крики, автоматная очередь. Барашек на Алешиной спине не казался тяжелым. Андрей бежал следом. Через болото проскочили по кочкам, знакомым только им. Стрельба немецких автоматов стихла. У края леса разведчиков поджидал партизанский патруль. Тяжело раненного Андрея понесли на руках. Алеша был в таком оцепенении, что сразу не могли освободить его руки от шпагата, которым были перевязаны ноги барашка.

Разделявая трофейную тушку, извлекли из ее позвоночника шесть пуль...

— В рубашке ты родился, — говорили Алеше утром, — спас тебя барашек.

Алеша подошел к ручью, разделся, намочил свою сорочку и приложил к спине, где от шеи до пояса адела и саднила полоса в размере вчерашнего барашка.

Через всю войну пронес Алеша подаренный матерью оберег. Костлявая смерть ходила за ним по пятам, но не осмеливалась схватить парня.

Летом сорок второго, когда отряд был уже в составе партизанского соединения «Дедушка», партизаны вели жестокие кровопролитные бои, отражая попытки врага ликвидировать их базу; много партизан полегло тогда, а Алеша был всего лишь легко ранен.

Немногим позже регулярные части были пополнены за счет партизан, среди которых был и Алексей. Попав в полковую разведку, он не раз определял точную огневую позицию для дивизионной артиллерии. Однажды командир полка приказал Алексею прибыть для получения награды, да не вручили разведчику его орден: шальной вражеский снаряд угодил прямо в штаб дивизии. Находился от него Алексей всего лишь в пятидесяти метрах.

На волоске от смерти был он и в Болгарии, где в составе разведгруппы оказался в тылу врага. Глубокий вечер. Преследует немецкий патруль. Деваться некуда. «Или пан, или пропал»,— подумал тогда Алексей и постучался в дверь жилого дома.

— Кто? — спросил молодой женский голос.

— Спаси, пани,— прошептал Алексей в замочную скважину.

Запор щелкнул — дверь приоткрылась. Взгляд глаза в глаза, и Алексей перешагнул через порог. Дверь мгновенно была снова заперта. Девушка молча провела случайного гостя в спальню. В дверь постучали. Откинув легкую перину на постели, она кивком приказала Алексею лечь. Стук в дверь повторился более настойчиво. Хозяйка быстро уложила перину на свое место, сняла покрывало, взбила подушку, вынула из головы шпильку, выпуская на плечи русые волосы, сбросила с себя халат и, оказавшись в ночной сорочке, побежала открывать дверь...

Алексей часто вспоминал тот глубокий взор матери и прижатый к груди сверток, что вручила ему, отправляя в партизанский отряд.

Когда закончилась война, Алексею было неполных двадцать два года. Ему предстояло прожить еще тридцать пять лет трудной, но мирной жизни.